

Pushkin Cantata triumphale by Glazunov:
first experience of cooperation with K. R.

Творчество поэта К. Р. — Великого князя Константина Константиновича, председателя Императорской Академии Наук (1889–1915), вице-председателя Императорского Русского музыкального общества (1897–1909) — известно любителям музыки по замечательным романсам П. И. Чайковского на его стихи. Знакомство с композитором в 1880 году стало важным событием в творческой биографии поэта. Появились такие шедевры вокальной лирики, как романс «Серенада» («О, дитя, под окошком твоим...»), «Первое свиданье», «Растворил я окно» и другие. Не менее интересна история сотрудничества К. Р. с другим выдающимся русским композитором — А. К. Глазуновым. Она больше всего памятна по их совместной работе над драмой К. Р. «Царь Иудейский» с музыкой Глазунова. Последние архивные разыскания отрывают более ранний этап творческой деятельности поэта и композитора. В статье, основанной на исторических документах, рассказывается о событиях периода создания Кантаты к 100-летию А. С. Пушкина в 1899 году.

Creativity of poet K. R., Grand Duke Konstantin Konstantinovich, chairman of the Imperial Academy of Sciences (1889–1915), vice-chairman IRMS (1897–1909) — is known for the lovers of music on remarkable romances by P. I. Tchaikovsky on his verses. Acquaintance to the composer in 1880 became important event in creative biography of the poet. There were such masterpieces of vocal lyrics, like a romance Serenade (Oh, my baby at your window), First rendezvous, I opened the window, etc. It is not less interesting story of cooperation K. R. with A. K. Glazunov, the other outstanding Russian composer. It is the most of all memorable on their teamwork at the drama Tsar Judaic by K. R. with Glazunov's music. Last archival findings tear off an earlier stage of creative activity of the poet and the composer. In article based on historical documents, it is told about the events of the period of creation of the Cantata to A. S. Pushkin's 100 anniversary in 1899.

Эльвира ван ДОМБУРГ (ФАТЫХОВА)

«Торжественная кантата к 100-летию А. С. Пушкина». Музыка А. К. Глазунова на тексты К. Р.

Первым совместным произведением поэта, Великого князя Константина Константиновича Романова и композитора Александра Константиновича Глазунова была «Торжественная кантата» (фото 1) в память 100-летней годовщины А. С. Пушкина. Впервые кантату исполнили 26 мая 1899 в публичном собрании Академии наук, состоявшемся в Большом зале Петербургской консерватории. История создания этого произведения никогда не исследовалась ранее. Не описаны также условия ее постановки и издания. Восстановление событий, связанных с подготовкой исполнения кантаты стало возможным благодаря любезно предоставленным мне материалам из архива «Пушкинской комиссии» сотрудниками рукописного отдела Пушкинского Дома, и в частности, Любовью Владимировной Герашко¹.

Архивные документы, связанные с созданием и исполнением кантаты отражены в переписке А. К. Глазунова с Н. Ф. Дубровиным, секретарем комиссии по чествованию столетней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина, созданной и высочайше утвержденной при Императорской Академии Наук в 1898 году.

Будучи президентом Академии наук², Великий князь Константин Константинович Романов возглавил юбилейную комиссию по подготовке тожеств. В начале 1899 года Академия наук объявила конкурс на сочинение кантаты к юбилею поэта. Великий князь Константин Константинович в числе других 40 претендентов анонимно участвовал в конкурсе и выиграл его. Для выбора текста кантаты была организована комиссия из девяти членов [3, с. 371], в которую в числе других входили Н. А. Римский-Корсаков и А. К. Глазунов. Требования к текстам кантаты, представленным

Фото 1. А. Глазунов. Торжественная кантата
Тиульный лист. НМБ СПбГК

¹ Все материалы, связанные с деятельностью этой комиссии и подготовки юбилейных торжеств, хранятся в ИРЛИ (Пушкинский Дом) в фонде А. С. Пушкина. Ф. 244. Оп. 26. № 345–347.

² Третьего мая 1899 года указом Александра III Великий князь Константин Константинович был назначен на должность президента Академии наук [2, с. 407].

на конкурс, были разработаны Римским-Корсаковым. В феврале 1899 года комиссия приняла решение о выборе текста, о чем записано в сохранившемся документе: «Комиссия, назначенная для оценки конкурсных стихотворений для кантаты в день чествования памяти А. С. Пушкина, собравшись 16-го февраля 1899 года и прочитав 40 представленных стихотворений, признала подходящими под условия конкурса два стихотворения: одно под девизом:

*“Душа поэта вострепнется
Как пробудившийся орел”*

и другое под девизом “Начинающий — бессмертному”, причем значительные литературные достоинства первого заставляют дать ему преимущество перед вторым, хотя второе больше удовлетворяет музыкальным условиям конкурса по разнообразию размеров. Поэтому комиссия единогласно остановилась на первом. По вскрытию конвертов оказалось, что автор первого К. Р., а второго — врач Давид Львович Бернштейн»³. Содержание этого решения 4 марта то-

Фото 3. Великий князь Константин Константинович

Фото 2. А. К. Глазунов

го же года было подготовлено для печати в газету «Правительственный вестник» № 292.

Положить на музыку текст кантаты предложили Глазунову. Этот выбор, несомненно, был обусловлен высочайшим авторитетом композитора, находившимся в это время на вершине славы и уже имевшим опыт сочинения Коронационной кантаты в 1895 году⁴.

Музыку к кантате Глазунов (фото 2) сочинил всего за один месяц. Он приступил к работе 8 марта и закончил ее 9 апреля — именно эта дата стоит на листе 53 рукописи партитуры, хранящейся в Отделе рукописей РНБ⁵. После завершения произведения сразу же началась работа по подготовке его исполнения, которую возложили на композитора и секретаря Пушкинской комиссии Н. Ф. Дубровина. Все вопросы, возникавшие в процессе подготовки,

Глазунов решал именно с Дубровиным, имевшим возможность, в свою очередь, обращаться напрямую к Великому князю Константину Константиновичу (фото 3).

Празднование юбилея Пушкина готовилось не только в столице, но и в других губернских центрах России. Еще до завершения сочинения кантаты, в письме без даты, Дубровин передает Глазунову просьбу орловского губернатора о предоставлении ему копии кантаты для исполнения в Орле в дни юбилея Пушкина «местными музыкальными силами». Здесь же по просьбе Великого князя он интересуется хором, солистами и оркестром для исполнения 26 мая⁶. В ответном письме от 5 апреля Глазунов пишет: «Милостивый государь, Николай Фёдорович! На запрос господина орловского губернатора Михаила Стаховича касательно доставки ему нотного материала моей Кантаты мне трудно в настоящую минуту дать какой-либо ответ, так как Кантата далеко еще не окончена.

В точности я не могу назначить срока, к которому я успел бы окончить партитуру и также необходимое фортепианное переложение, так что вряд-ли у нас останется время для составления копии.

Подобный же запрос получил сегодня от Одесского Музыкального общества, и мне придется, вероятно, дать туда такой-же ответ»⁷.

О том, что исполнение кантаты двух авторитетнейших авторов ожидалось обществом, говорит и упоминание в одном из документов Пушкинской комиссии просьбы лицейстов Императорского Александровского лицея об исполнении Кантаты в стенах их учебного заведения в дни юбилея, датированном 11 апреля. Глазунов рассматривал возможность исполнения кантаты в лицее придворным оркестром, однако 30 апреля получил отказ через Дубровина: «Что же касается участия означенного оркестра 28-го мая в Императорском Александровском Лицее, то в виду особых

³ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 346. Л. 72.

⁴ Коронационная кантата для сопрано, тенора, баса, хора и оркестра, ор. 56.

⁵ ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки) Ф. 187. Глазунов А. К. Ед. хр. 477.

⁶ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 346. Л. 154.

⁷ Там же. № 346. Л. 167.

условий, в которых находится упомянутый оркестр, Высочайшего соизволения на это участие не последовало»⁸.

Одной из главных забот Глазунова был состав исполнителей. Учитывая, что на подготовку концерта отводилось немногим больше месяца, композитор проявил активность в выборе хора, оркестра и солистов, что также отражено в его переписке с Дубровиным. Первоначально Глазунов планировал участие хора А. А. Архангельского. Однако в апреле хор концертировал по России и не мог приступить к репетициям до возвращения в Петербург, ожидавшегося только к началу мая. Глазунов рекомендовал Дубровину подождать и не нанимать хористов русской оперы, исходя из соображений экономии (участие хора Мариинского театра обходилось казне дороже). Судя по документам, вопрос с хором являлся одним из наиболее сложных (согласие солистов М. И. Горленко-Долиной и И. В. Ершова композитор получил достаточно быстро). Подтверждением тому стал ответ И. А. Всеволожского на запрос об участии хора Мариинского театра, адресованный секретарю Императорской Академии наук: «... исполнение кантаты хором русской оперы 26 мая не представляется возможным, так как оперный сезон оканчивается 1 мая, после которого все артисты и хор русской оперы свободны от занятий по службе Дирекции»⁹. Тем не менее, вопрос с Дирекцией императорских театров был улажен, и хор русской оперы принял участие в исполнении кантаты.

Участие придворного оркестра не вызвало никаких осложнений и 30 апреля Дубровин сообщает Глазунову, что министр Императорского двора «от 26 апреля сего года за № 2882 довел до сведения августейшего президента Академии, о последовавшем Высочайшем разрешении на участие придворного оркестра в исполнении кантаты 26-го наступающего мая во время публичного заседания Императорской Академии наук, по случаю чествования столетия со дня рождения А. С. Пушкина»¹⁰.

Первая репетиция кантаты состоялась 15 мая. Глазунов всецело был поглощен репетиционной работой, и график его жизни в это время выглядел весьма напряженным. В письме к Дубровину от того же дня он пишет: «Сегодня сделал первую репетицию “Кантаты” с хором русской оперы в 40 человек. Репетиция прошла удовлетворительно, но я полагаю, что всех репетиций вместе с генеральной (в день заседания в 10–11 час. утра) придется сделать по крайней мере 4. <...> Завтра в 2 1/2 ч. буду в Петергофе репетировать в первый раз Кантату с одним оркестром»¹¹.

В подготовке исполнения кантаты Глазунова занимала не только творческая сторона дела. Помимо организации и проведения репетиций, снабжения музыкантов оркестровыми и хоровыми партиями, он был озабочен тем, чтобы хористам и оркестрантам вовремя предоставлялись концертные костюмы, выплачивались гонорары, повышение размеров которых композитор также обсуждал с секретарем комиссии, и многие другие вопросы.

Несмотря на то, что Глазунов и К. Р. выступали соавторами кантаты, их общение происходило только через секретаря Великого князя или других приближенных ко Двору. В одном из писем от 21 мая Глазунов приглашает Дубровина на репетицию и упоминает о приглашении им Великого князя Константина Константиновича: «Кстати, не пожалуете-ли Вы завтра к 2-м часам в Консерваторию на репетицию с оркестром, солистами и хором моей Кантаты. Я осмелился через князя Оболенского (адъютанта Преображ. Полка) просить на репетицию Великого Князя — автора стихотворения»¹².

Кроме деловых отношений с Глазуновым, Дубровин выступал также советчиком в вопросах придворного этикета. Глазунов, испытывая чувство благодарности за внимание и высокую оценку его композиторского дара со стороны августейшей семьи, обращался к Дубровину с просьбами о помощи в содействии его контактам со Двором. В письме без даты (указан только день недели — среда), в котором вновь обсуждаются проблемы костюмов для хористов и гонораров для придворного оркестра, Глазунов просит у Дубровина совета в деликатном вопросе выражения благодарности царю: «При свидании я прошу у Вас совета, каким образом мне поблагодарить Его Императорское Величество за внимание ко мне — нужно ли искать случая представить ему? Не могу ли я попросить Вас узнать об этом мнение Его Высочества Константина Константиновича?»¹³. Дубровин оказал необходимую помощь Глазунову, а тема представления царю была продолжена и после юбилейных торжеств. 17 июня композитор пишет Дубровину: «Что касается моего представления Его Величеству, то я думаю не подождать ли мне записываться до получения талона из Академии»¹⁴.

Премьеру кантаты композитор ожидал с большим волнением. Список приглашенных им на концерт гостей разрастался и задолго до назначенного дня Глазунов в письмах к Дубровину ходатайствует о билетах на публичное собрание Академии наук 26 мая. В указанном выше письме без даты звучит просьба о выделении билетов среди прочих барону Константину Карловичу Штакельбергу и Гуго Ивановичу Варлиху. Аналогичная просьба содержится в письме от 15 мая: «Многоуважаемый Николай Фёдорович! Посылаю Вам <...> список моих родных и знакомых, для которых я прошу Вас сделать билеты на акт Императорской Академии 26 мая в зале Консерватории»¹⁵.

Исполнение кантаты, вероятно под руководством самого композитора, состоялось по рукописным экземплярам партитуры и оркестровых голосов. Автограф партитуры, содержащий в себе различные авторские пометы и ремарки, до сих пор не привлекал внимание исследователей. Изучение его позволит открыть еще одну неизвестную страницу творчества композитора. Издательские пометы на рукописи свидетельствуют о том, что именно этот экземпляр был отправлен в Лейпциг для печатания. Соавторство Глазунова с Великим князем обусловило довольно сложную процедуру издания произведения. Для этого

⁸ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 347. Л. 19.

⁹ Там же. № 346. Л. 171.

¹⁰ Там же. № 347. Л. 19.

¹¹ Там же. Л. 67.

¹² Там же. Л. 98а, 129.

¹³ Там же. Л. 69–70.

¹⁴ Там же. Л. 136–137.

¹⁵ Там же. Л. 67.

композитору сначала требовалось получить разрешение на публикацию, а уже затем приступить к технической стороне дела. О ситуации с изданием партитуры мы узнаем из переписки, продолжавшейся между Глазуновым и Дубровиным после завершения Пушкинского праздника. 3 июля Дубровин дает Глазунову официальный ответ на его просьбу: «Милостивый Государь, Александр Константинович! По докладу мною письма Вашего от 17-го июня имею честь уведомить, что Его Императорское Высочество Августейший президент Академии разрешает Вам издать Канату в том виде, в каком Вы желаете, с тем, чтобы Академии было предоставлено по сту экземпляров всего того, что будет напечатано»¹⁶. В ответном письме от 6 июля Глазунов, находившийся в это время на даче в Озерках, благодарит Дубровина: «Очень Вам благодарен за присланную Вами бумагу, касающуюся издания моей кантаты»¹⁷.

Условия издания кантаты, которые выдвинул Великий князь, оказались не просты и композитор советуется по этому вопросу с издателем. В письме от 8 июля он излагает М. П. Беляеву содержание послания Дубровина и недоумевает по поводу количества экземпляров: «Неужели Академии нужно сто партитур и сто партий гобоя? Затем заплатит ли Академия за издание пожертвованные государем 1000 рублей? Не даром же тебе представлять сто экземпляров для Академии? Обо всем этом я должен навести справки, и хорошо бы нам вместе повидать генерала Дубровина, чтобы окончательно сговориться насчет издания» [1, с. 347].

Договорившись, наконец, об условиях, Беляев приступил к изданию. В процессе работы у Глазунова возник вопрос о титульном заголовке произведения, о чем он снова интересуется у К. Р. через Дубровина в письме от 14 сентября: «Глубокоуважаемый Николай Федорович! Мой издатель просит у меня точное заглавие моей Пушкинской кантаты. Так как у меня не сохранилось программы акта Академии, то очень просил бы Вас сообщить точное заглавие, чтобы можно было приступить к рисованию виньетки»¹⁸. 20 сентября от секретаря Пушкинской комиссии приходит ответ: «Многоуважаемый Александр Константинович, Всего лучше назвать так: "Кантата в память столетней годовщины А. С. Пушкина"»¹⁹. Однако при сравнении этого заголовка с названием произведения, обозначенного в программе публичного собрания в Консер-

ватории, мы видим разночтения. Кантата, прозвучавшая в заключение собрания, значится в программе так: «Кантата на юбилей Пушкина. Слова К. Р., музыка А. К. Глазунова»²⁰.

Издание вышло через год — в октябре 1900 года. Выполняя обязательства перед Академией, Глазунов направляет Дубровину экземпляры кантаты (количество не известно), сопровождая их письмом от 2 октября: «Согласно нашему уговору посылаю мою Пушкинскую Кантату <...> в виде 1) оркестровой партитуры, 2) фортепианного переложения, 3) оркестровых и 4) хоровых партий»²¹. В ответ на это и в знак памяти о юбилее А. С. Пушкина 13 октября Глазунов получает из канцелярии Академии наук серебряную медаль, сопровождая следующую следующим письмом: «Милостивый Государь Александр Константинович! По приказанию Его Императорского высочества Августейшего президента Академии Наук, имею честь препроводить к Вам при сем серебряную медаль, выбитую в воспоминание о столетии со дня рождения А. С. Пушкина»²².

Успех кантаты, все другие творческие заслуги отразились на дальнейшей судьбе композитора. Решением вице-президента ИРМО Великого князя Константина Константиновича в 1899 году Глазунов входит в состав сначала дирекции Петербургского отделения, а затем и Главной дирекции Русского музыкального общества в качестве уполномоченного Кишиневским отделением. Осенью того же года Константин Романов утверждает доклад Художественного совета Консерватории об определении Глазунова сверхштатным профессором 2-й степени Петербургской консерватории. Этот документ с подписью Великого князя хранится в Отделе рукописей Консерватории в личном деле композитора (л. 10).

Создание А. К. Глазуновым Торжественной кантаты в память 100-летней годовщины А. С. Пушкина на слова К. Р. стало ярким и значительным событием в музыкальной жизни России конца XIX века. Однако, прозвучав в дни юбилея поэта и украсив собою весь праздник, придав ему значение события общенационального масштаба, кантата оказалась забытой и многие годы лишь значилась в библиотечных каталогах. Напечатанная статья — это лишь первый шаг на пути исследования Пушкинской кантаты, а также его творческих контактов с представителем императорской фамилии — русским поэтом К. Р.

Список литературы

1. **Глазунов А. К.** Музыкальное наследство. Т. 2. — Л.: Музгиз, 1960. — 569 с.
2. **Завьялова Л. В., Орлов К. В.** Великий Князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. — СПб.: Вита Нова, 2009. — 607 с.

3. Музыка и музыканты. Творческие и биографические материалы в фондах и коллекциях рукописного отдела Пушкинского Дома. XVIII–XX вв. Указатель. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 426 с.

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 347. Л. 140.

¹⁷ Там же. Л. 142–143.

¹⁸ Там же. Л. 155, 157.

¹⁹ Там же. Л. 156.

²⁰ Там же. Л. 87.

²¹ Там же. Л. 255.

²² Там же. Л. 260.